

Александр Иванович
Герцен

БЫЛОЕ И ДУМЫ

IV

МЕМОАРЫ

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Г41

Герцен, А. И.

Г41 Былое и думы IV / А. И. Герцен. – М. : Т8RUGRAM, 2018. – 430 с.

ISBN 978-5-519-63587-5

Александр Иванович Герцен (1812–1870) – публицист, писатель, философ XIX века, либерал, сторонник революционных преобразований, один из виднейших критиков официальной идеологии и политики Российской империи.

«Былое и думы» – автобиографический роман, над которым автор работал почти шестнадцать лет, был признан мировым шедевром мемуарной литературы. Герцену удалось блестяще изобразить образ русского революционера, а также составить настоящую энциклопедию, отражающую быт, нравы и общественную жизнь России середины XIX века. Эта книга позволит читателю переосмыслить свою жизнь и получить ответы на многие важные вопросы.

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-63587-5

© Т8RUGRAM, 2018

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
Париж — Италия — Париж
1847—1852

Начиная печатать еще часть «Былого и думы», я опять остановился перед отрывочностью рассказов, картин и, так сказать, подстрочных к ним рассуждений. Внешнего единства в них меньше, чем в первых частях. Спясть их в одно — я никак не мог. Выполняя промежутки, очень легко дать всему другой фон и другое освещение — тогдашняя истина пропадет. «Былое и думы» — не историческая монография, а отражение истории в человеке, случайно попавшемся на ее дороге. Вот почему я решился оставить отрывочные главы, как они были, нанизавши их, как нанизывают картинки из мозаики в итальянских браслетах: все изображения относятся к одному предмету, но держатся вместе только оправой и колечками.

Для пополнения этой части необходимы, особенно относительно 1848 года, мои «Письма из Франции и Италии»; я хотел взять из них несколько отрывков, но пришлось бы столько перепечатывать, что я не решился.

Многое, не вошедшее в «Полярную звезду», вошло в это издание — но всего я не могу еще передать читателям, по разным общим и личным причинам. Не за горами и то время, когда напечатаются не только выпущенные страницы и главы, но и целый том, самый дорогой для меня...

Женева, 29 июля 1866.

ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ И ПОСЛЕ НЕЕ

ГЛАВА I ПУТЬ

Потерянный пасс. — Кенигсберг. — Собственноручный нос. — Приехали! — И уезжаем.

...В Лауцагене прусские жандармы просили меня взойти в кордегардию. Старый сержант взял пассы, надел очки и с чрезвычайной отчетливостью стал вслух читать все, что не нужно: «Auf Befehl s. k. M. Nicolai des Ersten... allen und jeden denen daran gelegen etc, etc... Unterzeichner Peroffski, Minister des Innern, Kammerherr, Senator und Ritter des Ordens St. Wladimir... Inhaber eines goldenen Degens mit der Inschrift für Tapferkeit»¹...

Этот сержант, любивший чтение, напоминает мне другого. Между Террачино и Неаполем неаполитанский карабинер четыре раза подходил к дилижансу, всякий раз требуя наши визы. Я показал ему неаполитанскую визу, ему этого и полкарлина было мало, он понес пассы в канцелярию и воротился минут через двадцать с требованием, чтоб я и мой товарищ шли к бригадиру. Бригадир, старый и пьяный унтер-офицер, довольно грубо спросил:

— Как ваша фамилия, откуда?

— Да это все тут написано.

¹ «По указу е. и. в. Николая Первого... всем и каждому, кому вестать надлежит и т. д., и т. д... Подписал Перовский, министр внутренних дел, камергер, сенатор и кавалер ордена св. Владимира... имеющий золотое оружие с надписью за храбрость» (нем.).

– Нельзя прочесть.

Мы догадались, что грамота не была сильной стороной бригадира.

– По какому закону, – сказал мой товарищ, – обязаны мы вам читать наши пассы? Мы обязаны их иметь и показывать, а не диктовать: мало ли что я сам продиктую.

– Accidenti! – пробормотал старик, – *va ben, va ben!*¹ – и отдал наши виды, не записывая.

Ученый жандарм в Лауцагене был не того разбора; прочитав три раза в трех пассах все ордена Перовского, до пряжки за беспорочную службу, он спросил меня:

– Вы-то, *Euer Hochwohlgeboren*², кто такое?

Я вытаращил глаза, не понимая, что он хочет от меня.

– *Fräulein Maria Ern, Fräulein Maria Korsch, Frau Naag*³, – всё женщины, тут нет ни одного мужского вида.

Посмотрел я: действительно, тут были только пассы моей матери и двух наших знакомых, ехавших с нами, – у меня мороз пробежал по коже.

– Меня без вида не пропустили бы в Таурогене.

– *Bereits so*⁴, только дальше-то ехать нельзя.

– Что же мне делать?

– Вероятно, вы забыли в кордегардии, я вам велю заложить санки, съездите сами, а ваши пока погреваются у нас. – *Heh! Kerl, laß er mal den Braunen anspannen*⁵.

Я не могу без смеха вспомнить этот глупый случай, именно потому, что я совершенно смутился от него. Потеря этого паспорта, о котором я несколько лет мечтал, о котором два года

¹ Черт возьми! Ладно уж, ладно! (итал.).

² Ваше высокоблагородие (нем.).

³ Барышня Мария Эрн, барышня Мария Корш, госпожа Гааг

⁴ Так-то так (нем.).

⁵ Эй, малый, заложил-ка гнедого (нем.).

хлопотал, в минуту переезда за границу, поразила меня. Я был уверен, что я его положил в карман, стало, я его выронил, — где же искать? Его занесло снегом... надобно просить новый, писать в Ригу, может, ехать самому; а тут сделают доклад, догадуются, что я к минеральным водам еду в январе. Словом, я уже чувствовал себя в Петербурге, образы Кокоскина и Сахтынского, Дубельта и Николая бродили в голове. Вот тебе и путешествие, вот и Париж, свобода книгопечатания, камеры и театры... опять увижу я министерских чиновников, квартальных и всяких других надзирателей, городских с двумя блестящими пуговицами на спине, которыми они смотрят назад... и прежде всего увижу опять небольшого, сморщившегося солдата в тяжелом кивере, на котором написано таинственное 4, обмерзлую казацкую лошадь... Хоть бы кормилицу-то мне застать еще в «Тавроге», как она говорила.

Между тем заложили большую печальную и угловатую лошадь в крошечные санки. Я сел с почтальоном в военной шинели и ботфортах; почтальон классически хлопнул классическим бичом — как вдруг ученый сержант выбежал в сени в одних панталонах и закричал:

— Halt! Halt! Da ist der vermaledeite Paß¹, — и он его держал развернутым в руках.

Спазматический смех овладел мною.

— Что же вы это со мной делаете? Где вы нашли?

— Посмотрите, — сказал он, — ваш русский сержант положил лист в лист, кто же его там знал, я не догадался повернуть листа...

А ведь прочитал три раза: «Es ergeth deshalb an alle hohe Mächte, und an alle und jeden, welchen Standes und welcher Würde sie auch sein mögen»...²

¹ Стой! стой! Вот проклятый паспорт! (нем.).

² «Того ради надлежит всем высоким державам и всем и каждому, какого чина и звания они ни были бы...» (нем.).

...«В Кенигсберг я приехал усталый от дороги, от забот, от многого. Выспавшись в пуховой пропасти, я на другой день пошел посмотреть город; на дворе был теплый зимний день»¹; хозяин гостиницы предложил проехаться в санях, лошади были с бубенчиками и колокольчиками, с страусовыми перьями на голове... И мы были веселы, тяжелая плита была снята с груди, неприятное чувство страха, щемящее чувство подозрения — отлетели. В окне книжной лавки были выставлены карикатуры на Николая, я тотчас бросился купить целый запас. Вечером я был в небольшом, грязном и плохом театре, но я и оттуда возвратился взволнованным не актерами, а публикой, состоявшей большей частью из работников и молодых людей; в антрактах все говорили громко и свободно, все надевали шляпы (чрезвычайно важная вещь, столько же, сколько право бороду не брить и пр.). Эта развязность, этот элемент более ясный и живой поражает русского при переезде за границу. Петербургское правительство еще до того грубо и не обтерлось, до того — только деспотизм, что любит наводить страх, хочет, чтоб перед ним все дрожало, словом, хочет не только власти, но сценической постановки ее. Идеал общественного порядка для петербургских царей — передняя и казармы.

...Когда мы поехали в Берлин, я сел в кабриолет; возле меня уселся какой-то закутанный господин; дело было вечером, я не мог его путем разглядеть. Узнав, что я русский, он начал меня расспрашивать о строгости полиции, о паспортах — я, разумеется, рассказал ему все, что знал. Потом зашла речь о Пруссии, он восхвалял бескорыстие прусских чиновников, превосходство администрации, хвалил короля и, в заключение, сильно напал на познанских поляков за то, что они нехорошие немцы. Меня это удивило, я ему возражал, сказал прямо, что я совсем не делю его мнения, и потом замолчал.

Между тем рассвело; тут только я заметил, что мой сосед-

¹ «Письма из Франции и Италии». — Письмо I.